

ВЛАДА ОЛЬХОВСКАЯ

ТРЕТИЙ ЧЕЛОВЕК

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-56

Влада Ольховская
ТРЕТИЙ ЧЕЛОВЕК

Любое использование материалов данной
книги, полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается

Дизайн переплета *Василия Половцева*

Ольховская, Влада.

О-56 Третий человек / Влада Ольховская. — Москва: Издательство
АСТ, 2026. — 288 с. — (Нова Фикшн. Грани реальности).

ISBN 978-5-17-185230-6

Во время несчастного случая в горах погибли десятки человек, выжил лишь один — Григорий Тернов, и для него все закончилось хорошо...

Или нет.

Все-таки не закончилось, и уж точно не хорошо. После чудесного спасения привычная реальность пошла трещинами. Множатся факты, которые он не может объяснить, а собственная память играет против Григория. У него осталось совсем немного времени, чтобы разобраться, кто спас ему жизнь. Иначе он пожалеет, что он не остался под лавиной навсегда.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-185230-6 © Ольховская В., 2026
© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2026

1

*Кто этот третий, идущий с тобою?
Когда я считаю, нас лишь двое — ты да я,
Но когда я гляжу вперед, на белизну дороги,
Рядом с тобою вечно кто-то
Скользит, в коричневой мантии с капюшоном,
Не знаю, мужчина это или женщина,
Но все же кто шагает рядом с тобою?*

«Бесплодная земля»,
Томас Стернз Элиот

На грудь что-то давит, сильно, мешает дышать, не дает двинуться. Боль похожа на лесной пожар — вспыхивает по всему телу, то разгорается, то вдруг гаснет. Ног я не чувствую вообще, и я боюсь думать о причинах. Вокруг холод, и он чуть уменьшает боль, но даже сквозь багровый туман, застилающий мои мысли, я понимаю, что он не друг мне. Он больше похож на дикого зверя, с готовностью набросившегося на беззащитную жертву: все, что я перестану чувствовать, он попросту сожрал. Мою кожу, мышцы... мои ноги. Он доберется до всего, что хранит во мне жизнь, потому что...

Я похоронен в снегу.

Я не вспоминаю это, я это понимаю, как будто вычисляю. Саму лавину я вспомнить не могу, как бы ни старался. Мое последнее воспоминание до пробуждения — подъем, все идет хорошо, светит солнце, мы спокойны, говорим о чем-то, я слышу смех... Следующее воспоминание — я в темном гробу, и снег пожирает меня.

Между этими воспоминаниями должно быть что-то еще. Шум, с которым снег превращается из хищника ожидающего в хищника атакующего. Порыв ледяного ветра, предшествующий грандиозной лавине. Сила, срывающая меня со склона, бросающая в белый хаос. Все было, иначе никак, но моя память милостиво не сохранила это, пожалела меня в последний раз.

Да, в последний, потому что... Я ведь уже не выберусь. Снег сжимает меня со всех сторон, не позволяет пошевелиться, не позволяет даже открыть глаза, я застрял в коконе темноты, где кроме меня есть только страдание — и больше ничего. Ног я не чувствую, как ни стараюсь, и я не могу определить другие источники боли. Я даже не представляю, на какой я глубине! Не похоже, что кто-то спешит мне на помощь... да и некому спешить. Если лавина не перемолола всех на своем пути, каждый выживший сам за себя.

Вот и получается, что «за меня» никого не будет, потому что меня почти нет. Зачем проснулся? Лучше бы исчезнуть сразу, завершить мою память солнцем, искрящимся

снегом и смехом. Финал все равно один, но я был бы свободен от этих долгих, мучительных минут умирания.

Но ведь обидно, как все-таки обидно... Я ничего не сделал, чтобы заслужить это, ни в чем не ошибся. Надо бы признать, что я согласился на такой вариант по умолчанию, когда полез в горы, и в теории я соглашался, веря, что бессмертен. А как дошло до дела — не могу, просто не могу... Вместо страха в душе разгорается злость, рядом с ней — горечь и обида. Понятия не имею, на кого эта обида направлена: то ли на меня, то ли на весь белый свет. Да и какая разница? Я не в том состоянии, чтобы обдумывать и философствовать. Сквозь боль прорываются только простые и короткие мысли, обрывки воспоминаний, самые яркие эмоции.

Гнев.

Желание выжить.

Такое упрямое желание...

Достаточно упрямое, чтобы победить апатию и готовность сдаться, лежать тут, пока холод окончательно меня не сожрет. Безумная, отчаянная часть меня, которая изначально привела меня в горы, теперь гонит меня в боль. Боль ведь представляется не чувством внутри меня, а отдельным пространством, сквозь которое мне предстоит пройти. Я продираюсь сквозь снег, а чувство такое, будто через стальные иглы. Они разрывают меня на части, медленно, мучительно, и я даже не знаю, кричу я или нет. Но я двигаюсь! Как

и куда — понятия не имею. Я знаю только, что движение есть, потому что оно усиливает боль. На все остальное остатков моих сил уже не хватает. Кажется, я пару раз теряю сознание, однако почему-то просыпаюсь — и снова отказываю себе в вечном покое.

Дурак ведь, какой дурак... Я даже не помню, кто я, не знаю, кого я спасаю... Но в такие моменты все вдруг становится предельно простым: жизнь или смерть. Никакой серой зоны. И я, безымянный, как будто безродный, уже не способный и человеком-то зваться, потому что двигаюсь как насекомое, ползу через холодное ничто, слепой, но почему-то не отчаявшийся. Возможно, причину я пойму позже — если останусь в живых.

Если бы я оказался на глубине, настоящей глубине, ничего бы у меня не получилось. Но тогда я бы, может, и двинуться не смог, так и лежал бы, похороненный заживо. Уже то, что я кое-как пополз наверх, означало, что меня накрыло относительно небольшим слоем рыхлого снега. В этом повезло. И в том, что я в момент пробуждения лежал на спине, двинулся, куда получилось, а не начал закапываться глубже. Хотя непонятно, везение это на самом деле — или нет, если я все равно умру, просто пройдя перед этим через куда большее страдание.

Когда я вырываюсь на свободу, свет бьет по глазам. Яркий свет, отраженный завоевавшим все вокруг снегом. Меня накрывает новая слепота, просто предыдущая была черной,

эта — белая, а результат все равно один. Хочется снова кричать, но я молчу, каким-то чудом молчу... Никто не ожидал первой лавины. Не хотелось бы устроить вторую.

Зрение все-таки возвращается, хотя паршивое, мутное, делающее мир двухмерным. Я оглядываю себя, чтобы узнать, что же от меня осталось. Я оглядываю мир, чтобы понять, выжил ли кто-нибудь еще.

Дела мои плохи... но я ведь это знал, даже не понимая до конца. Я выбрался в белый мир, но я делаю его красным. У меня все-таки есть те самые ноги, которые я не чувствую, однако это удачей считать нельзя. Правая нога неестественно вывернута, перелом бедра, и большая часть боли идет именно оттуда, волнами разливаясь по всему телу. Левая нога выглядит даже хуже — кость порвала комбинезон, пробилась на свободу, открытый перелом ниже колена... Когда доходит до изучения травм, зрение предательски проясняется, и я вижу собственную сломанную кость во всей четкости, знаю, что не забуду никогда, не смогу просто. Хотя вряд ли мне придется помнить так уж долго! Переломы ног — самые страшные, я, видно упал с высоты, но потому и оказался погребен не слишком глубоко.

Другие травмы тоже есть, дышать тяжело, в груди поселился жуткий хрип. Голова пульсирует болью, кожу на лице я толком и не чувствую, трогать ее боюсь. Так зачем мне выживать — такому? Искалеченному, изуродованному? Лучше уж остаться здесь навсегда...

Наверное, лучше. Точно так же, как лучше было сохранить свою снежную могилу, навеки остаться ненайденным, уберечь моих близких от последнего взгляда на то, что от меня осталось. И снова я не поступаю правильно. Я был не один... Я сосредотачиваюсь на этом. Я имею право умереть, и я, пожалуй, должен, так лучше. Но что, если выжил кто-то еще? Если я могу кому-то помочь — последний раз? Когда я думаю об этом, смерть уже не кажется обязательной.

И я ползаю, зову, ищу... Скорее всего, со стороны это выглядит жалко. Но кто там на меня смотрит со стороны?

Я все-таки нахожу. Сначала одного нахожу — и он мертв. В момент схода лавины он был выше, чем я, и его тоже швырнуло вниз. Но меня принял снег, а его — камни, и камни его уничтожили. Тело вывернуло странно, как будто спиралью, я даже не думал, что человек может превратиться... вот в это. Лицом он упал на лед, и лица больше нет.

Но второй жив! Вопреки всему, совсем как я, все-таки жив! Я не нахожу его и не спасаю, он спасает себя сам, я обнаруживаю его уже как движение неподалеку от меня. А движение — это жизнь, это всегда жизнь... Я пытаюсь сказать что-то, позвать его, но не получается. Слов точно нет. Понятия не имею, есть ли звук — я ничего не слышу, в ушах поселилась мягкая, ватная тишина.

Он все равно находит меня, сам находит. Похоже, ему досталось меньше, потому что дви-

гается он свободней. Да он встать может! А мне уже не на что вставать.

Он что-то говорит мне, но я не слышу. Он пытается общаться жестами, и я, как ни странно, понимаю его. Сейчас даже понимание особенное: оно остается только в настоящем моменте, оборачивается знанием, но не закрепляется в памяти. Я не помню, как я его понял. Но смысл остался: я должен ползти ко второму лагерю.

Мы отошли недалеко. Мы не успели просто... Если бы я был прежним, я бы добрался туда минут за десять. Но то, во что я превратился, будет ползти долго, целую вечность — или две вечности, сколько теперь длится время?

И все равно оно движется. Я двигаюсь. Потому что даже в том, что осталось от моего переполненного болью мозга, редкие обрывки мыслей складываются в знание: мне помогут. Лагерь — важная цель, там, кажется, есть врач... Был врач. Даже если он тоже ушел, есть рация, по которой можно связаться со спасателями. Будет вертолет, мне помогут... Мне наверняка можно помочь, раз я все еще двигаюсь. Холод остановил кровь — она все равно делает снег красным, но медленней, чем в иных обстоятельствах, во мне ее осталось достаточно. Ноги... Скорее всего, я потеряю ноги. Но я пока не в том состоянии, чтобы осознать грядущую потерю, и это меня спасает.

Мы двигаемся вместе. Я ползу, он идет. Он не помогает мне, но я не злюсь за это. То, что

он может идти, вовсе не означает, что с ним все в порядке. Каждый сам за себя, каждый должен доказать, что имеет право жить.

С каждым движением я все меньше хочу жить и все больше — сдохнуть. Но жить, пожалуй, чуть сильнее, раз я не останавливаюсь. Где этот чертов лагерь? Уже миновало и две вечности, и три... Да, моя скорость ничтожна — так ведь я не останавливаюсь! Я просто знаю: если остановлюсь, двигаться уже не смогу, не заставлю себя. Разве мне не положена хоть какая-то награда? Разве не должен лагерь появиться хотя бы на горизонте — яркие рыжие и желтые пятна в слепящей белизне?

Я не выдерживаю. Не настолько, чтобы остановиться, но достаточно, чтобы заставить себя спросить:

— Где лагерь?

За слова теперь приходится платить слишком уж большую цену: в горле будто двигаются осколки стекла, по губам струится что-то густое и горячее. А главное, это бессмысленно: я ведь не слышу, ничего толком не слышу, я не смогу получить ответ...

И все равно получаю. Почему-то. Я слышу его голос... Может, мне только казалось, что я оглох? Пусть будет так. Важно лишь то, что он говорит со мной.

Впрочем, радуюсь я недолго, ровно до того момента, как до моего измученного сознания доходит смысл его слов.

— Здесь лагерь.

Я смотрю и понимаю, что лагеря здесь нет. Но потом смотрю второй раз и вижу, что все-таки есть. Я смог, я добрался, я не сумел увидеть лагерь на горизонте — потому что я уже в центре лагеря.

Просто лагеря не существует. Первый удар лавины пришелся по нам, но потом она, окрепшая, разъяренная, рванулась дальше — и накрыла всех. Теперь о том, что здесь были люди, десятки людей, напоминают лишь обрывки яркой ткани, закопанные в снегу, и чьи-то разбросанные вещи.

Возможно, не выжил никто, все они на глубине теперь, куда глубже, чем был я. А может, кто-то спасся, но за ту вечность, что понадобилась мне на дорогу, они ушли. Зачем им оставаться среди безжизненной мерзлоты? Откуда они знали, что меня нужно ждать?

Утешает лишь одно: это конец пути. Я хотел добраться до лагеря — и добрался. Но все равно не выжил. Жаль... очень жаль. Но что я могу поделать?

— Двигайся дальше, — вдруг говорит мне он.

— Нет, — отвечаю я.

Это все, что я могу ему сказать, даже если хочу сказать намного больше. Хочу закрыть на него. Объяснить, какой он мудака, если сравнивает нас — себя, способного шагать, и меня, оставляющего за собой кровавую борозду в снегу. Посмеяться над ним и над судьбой. Но больно, слишком больно... да и сил нет.

Он мог бы понять сам, но он не понимает.
Он повторяет мне:

— Двигайся. Или умрешь.

Моя злость, отступившая в миг, когда я понял, что добрался до лагеря, возвращается и крепнет. Кем он себя вообще возомнил? Стоит тут, ни хрена не помогает — но поучает! Спасибо, мать твою, большое за ценный урок!

От злости у меня получается крикнуть:

— Я и так мертв!

Он в ответ не кричит. Он спокоен, страшно спокоен... Я впервые думаю о том, что он меня пугает.

— Нет.

— Все равно умру!

На этот раз он соглашается:

— Да. Но умрешь в движении. Двигайся.

Достал, урод... Как будто это подвиг — умереть в движении! Или просто благо... Но это глупо, так сложнее, дольше, больнее... А здесь можно лечь и уснуть, позволить холоду стать обезболивающим. Почему нет? Разве я не заслужил?

Я решаю, что заслужил. А потом все равно двигаюсь.

Я думал, что добраться до лагеря невозможно? Я ошибся. Когда я полз к лагерю, у меня была хоть какая-то цель. Теперь цели нет, и я двигаюсь в белое ничто. Я будто причиняю себе боль ради боли. Мне хочется остановиться, постоянно хочется, но потом в памяти мелькает тот, другой, разбитый о камни, пре-

вращенный в мертвое тело... Я чувствую вину перед ним. Как будто этой болью я могу расплатиться за то, что выжил. Я чувствую вину перед теми, другими, оставшимися за пределами гор, уговаривавшими меня не ходить сюда. Но они уговаривали меня каждый раз, я каждый раз уходил и возвращался. Кто же знал, что есть ошибки, которые допускаются только один раз? Я думал, что вернусь, — но уже не вернусь.

Я не помню имен и лиц, зато помню, что люблю их. И я двигаюсь вперед ради них, как будто им от этого станет легче. Хотя, если задуматься, я все порчу... О лавине наверняка уже известно. Если бы я остался в лагере, может, я дождался бы помощи — ведь полетят первым делом туда! Но, отползая в снежную долину, я лишаю себя шанса на спасение. Как они найдут меня? Как узнают, куда я двинулся?

Я не говорю об этом своему спутнику, я все еще злюсь из-за того, что он заставил меня двигаться. Да еще и шагает рядом, будто насмехаясь над моей неспособностью подняться! У него ноги работают. Я свои тащу за собой мертвым грузом.

Поэтому я с ним не разговариваю, но он все равно все знает.

— Укажи им, как тебя найти, — подсказывает он. — Покажи направление.

— Стрелку нарисовать? — язвительно интересуюсь я. Горло болит сильнее. Но уже не важно.

Он мою язвительность не разделяет. Он все еще спокоен и серьезен.

— Да.

Я готов и дальше иронизировать, уточнить, где же взять краску. Но я понимаю, что краска у меня есть, до того, как он дает мне новую подсказку. Сука... Ненавижу!

Ненавижу за то, что он не дает мне отступить, сказать, что я сделал все, что мог. Вместо блаженного самообмана я вынужден делать больше. Могу ведь...

И я рисую. Стрелку рисую. Той единственной краской, которая у меня еще осталась — моей кровью. Изгибаюсь, хоть и переломанный, чтобы набрать ее. Застываю ровно настолько, чтобы оставить знак. Потом двигаюсь дальше, потому что могу и это. Красная стрелка достаточно яркая, сверху будет видно... Потом занесет снегом, но не сразу, и если они не придут до этого момента, то уже и не важно.

Я же продолжаю ползти вперед, к первому лагерю, до которого все равно не доберусь. Я уверен, что хуже уже не будет — но хуже бывает всегда. Как будто судьба вдруг находит еще один способ испытать тебя на прочность и тут же применяет его, словно ребенок, добравшийся до подаренной игрушки.

Меня накрывая новая боль. Я думал, что больше уже не почувствую, невозможно... Ошибся, конечно. Ощущение такое, будто меня разрывают на части — остро, резко, всюду

сразу... И я не могу двигаться. Почему я не могу двигаться?

Меня кто-то держит, я понимаю это, когда боль чуть ослабляет хватку. Но кто? Мой спутник решил поиздеваться надо мной? Почему, за что? Должно быть, это он, раз я его не вижу... Я оборачиваюсь. Я кричу. Я не кричал от боли, но кричу теперь, потому что я не готов к тому, что увидел.

Меня никто не держит. Меня поймал снег. Кость, торчащая из моей ноги, зацепилась за ледяную корку, образовавшуюся на снежном пласте. Я пойман — на собственную кость! Кровь снова пульсирует, от боли темнеет в глазах, и я кричу, потому что мне кажется: если я не выпущу на свободу ужас, он порвет меня изнутри.

Ну почему? Разве того, что я выдержал, мало? Почему?..

Он снова рядом со мной. Он стоит надо мной, смотрит на меня сверху вниз. Я хочу сказать этой мрази все, что о нем думаю, но боль слишком сильна. Достаточно сильна, чтобы заставить меня униженно просить:

— Помоги мне!

Он должен мне помочь, он же двигается так свободно, он в шаге от меня. Что ему стоит меня освободить? Но он лишь качает головой, и его приговор уместается в одно слово:

— Сам.

— Я не могу!

— Можешь.